

ОТЗЫВ

**официального оппонента доктора исторических наук
Кузьмина Петра Абрамовича на диссертацию
Крот Максима Николаевича**

**«Северо-западные окраины Российской империи в отечественном
национально-консервативном дискурсе второй половины XIX – начала
XX в.», представленной на соискание ученой степени доктора
исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история
(исторические науки)**

Насущной проблемой современного этапа исторического развития России является актуализация опыта консолидации её различных этносов и культур перед вызовами, идущими с Запада. Наша страна является страной с уникальным опытом плодотворного общежития и сотрудничества всех её народов. За этот опыт в веках заплачено и страданиями, и лишениями всех сторон собирания России. Конфликтная составляющая погашалась державной властью и житейской мудростью народов, осознанием преимуществ их взаимодействия, что стимулировало взаимные компромиссы и налаживание диалогов. Для реализации последних необходимо условие обоюдного постепенного узнавания в бывшем противнике партнёра, пользующегося уважением и понимаемого как самобытная часть целого. Принципиальной здесь является позиция Российской государственности, которая осваивала новые регионы. Для неё в XVIII–XIX вв. такими регионами стали Северо-Западный край, Финляндия, Кавказ, Средняя Азия, включенные в административно-правовое пространство России.

Социокультурному узнаванию региона, без чего военно-политическое продвижение оказалось бы бесплодным, осознанию российским образованным обществом своего цивилизационного российского качества и посвящено диссертационное исследование Максима Николаевича Крота. Причем взят один, но крайне важный аспект этого вхождения/сближения – национально-консервативный дискурс второй половины XIX – начала XX в., посвященный Северо-Западным окраинам Российской империи. Выбор не случаен, поскольку именно там, в условиях далеко не мирного сосуществования местных народов и имперской администрации, обострилась социально-политическая ситуация, а выход из нее был не ясен.

Проблема сохранения адекватного культурно-исторического кода, отражающего глубинные основы народа, испытывающего перманентное давление различных внутренних и внешних факторов, осложненного комплексом сопутствующих вопросов их модернизации и трансформации, проявляла и проявляет себя на разных витках отечественной истории. По сути – это «вечный» вопрос отечественной историографии, поставленный в XII в. отцом Нестором: «Откуда есть, пошла земля Русская». Поэтому обращение Максима Николаевича к проблеме национально-консервативного дискурса второй половины XIX – начала XX в., как составной части этого кода,

развития исторической науки характерен рост интереса к путям развития идеологического дискурса по ключевым вопросам развития российского общества, позволяющего выявить основные тенденции развития отечественного социума.

В этой связи несомненной актуальностью обладают исследования, посвященные теории и практике становления консервативной парадигмы, взявшей на себя роль защитницы интересов государства и русского народа на Северо-Западе Российской империи. Небольшой по численности круг людей, осознавший, по их мнению, губительный курс властей в игнорировании интересов русского народа на окраинах государства, будировал общественное мнение, призывал на страницах газет и журналов защищать национальные приоритеты россиян. Используя инструменты «мягкой силы», пытались убедить администрацию края и правительство в необходимости выработки цельной концепции по укреплению государственности и последовательной ее реализации по поддержке русского населения и православного христианства. Вместе с тем, трудно согласиться с мнением автора о том, что «выработанные представителями национально-консервативного направления русской общественной мысли подходы к проблеме интеграции северо-западных окраин в настоящее время не утратили своего значения и могут быть адаптированы к современным реалиям» (С. 10). Такая постановка вопроса дает «пищу» «миролюбивой» Европе вновь акцентировать проблему о перманентной военной угрозе с Востока, т.к. этот край сегодня суверенен и развивается по своим траекториям.

На рубежах России существует не мало латентных и острых межгосударственных конфликтов, перерастающих в открытые силовые противостояния. Многие из них уходят в эпоху зарождения и формирования «вызова национализма», поставившего под сомнение закономерность существования сложносоставных государственных образований имперского типа и вызвавшего к жизни концепт национального государства. Высокий конфликтогенный потенциал этих узлов противоречий, в основе которых лежат традиционные межэтнические/межконфессиональные противоречия, неумолимо вызывает к историческому опыту прошлого в оценке характера и поиске путей разрешения конфликтных ситуаций.

Да, конечно, в то время общественно-политическая и социально-экономическая ситуация была иная, но рефлексия администрации и различных политических сил во многом схожа с той, которая сложилась в пореформенный период, поскольку традиционная управленческая система многонациональной и поликонфессиональной Российской империи, сохранившей в себе значительные архаичные пласты и чрезвычайную пестроту административных практик, перестала отвечать требованиям современности.

При этом повышенный общественный интерес, утверждает соискатель, направлен именно на осмысление консервативных воззрений по данному вопросу, что обусловлено переживаемым российским обществом в настоящий

период «консервативным поворотом», суть которого состоит в отказе от комплекса европейских либеральных ценностей, стремлении сохранить свою цивилизационную и культурную самобытность в условиях стремительных процессов глобализации, а также в поиске альтернативных путей общественного развития (С. 7).

Российская империя, внутренняя гетерогенность которой к середине XIX века не только не была преодолена, но и еще более усилилась после включения Северного Кавказа, а затем Средней Азии в правовое пространство государства, столкнулась с мощным вызовом национализма, идущим от национальных окраин, который поставил на повестку дня необходимость выработки новой, внутренне непротиворечивой концепции развития имперской государственности в условиях усиливавшихся модернизационных процессов. Этот вызов актуализировал обсуждение вопроса о проблемах и перспективах российской имперской государственности в отечественной публицистике, науке, обществе.

Не менее важным аспектом исследования, является акцентуация автором понятий «отечество», «родина», «патриотизм», которые в последнее время возвращаются в научные нарративы, открывая «окно возможностей» для их осмысления в современных социально-политических реалиях.

Во многом работу переосмысления прошлого и настоящего, выполняет категория «консерватизм», который ставит на повестку дня «вечные» традиции народов нашей страны. Отправленное в 20-е годы прошлого столетия на «задворки» истории исторической науки, это понятие, считает диссертант, требует полноправного «общезития» в современном многоголосье исторических дискуссий.

Вместе с тем, консервативная оценка проблем национального вопроса является недостаточно исследованным сюжетом, поскольку она рассматривалась исследователями или в контексте общей характеристики русского консерватизма второй половины XIX – начала XX века, или в рамках анализа воззрений конкретных общественных деятелей консервативной направленности.

Максим Николаевич подчеркивает особенность отечественного национализма второй половины XIX столетия, который состоял в том, что, позиционируя себя как «русский», он, в сущности, являлся национализмом «российским», поскольку в целом защищал концепцию «политической русской нации» в рамках полиэтничной Российской империи, не предполагая ее превращения в «Империю русских», хотя в «когорте» консервативной парадигмы были и такие. Поэтому не случайно в рамках отечественной консервативной доктрины национализм приобрел охранительные черты, связанные на ментальном уровне с русским патриотизмом, противостоявшим как архаичным сословным детерминантам, так и модерным автономно-федералистским концепциям.

Среди сложных в управлении регионов страны особое место занимал Северо-Западный край, имевший иной правовой статус, привлекавший

внимание всех лидеров национально-консервативного дискурса второй половины XIX – начала XX в.

Лейтмотивом исследования является размышление над проблемой идеологических установок консервативного мировоззрения, по поводу которого Максим Николаевич замечает, что «следует полностью отказаться от чрезвычайно распространенного, столь же устойчивого, сколь и ошибочного стереотипа, у истоков которого стоят различные политические противники консерватизма, согласно которому он является принципиальным противником любых нововведений, всеми силами стремясь к сохранению статус-кво, либо настаивая на возврате к полностью или частично утраченным формам социально-политического бытия» (С. 184), т. к. «социально-политический организм, по Э. Бёрку, не располагающий возможностями для собственного обновления и изменения, лишен возможности и собственного сохранения». Это убеждение, как нам представляется, отражает идейные позиции докторанта в представленном исследовании. Национально-консервативный дискурс для него не мертвая схоластическая доктрина, а живая, развивающаяся парадигма, занимающая передовые позиции в защите фундаментальных ценностей российского социума.

Признавая возможность и необходимость диалектичных изменений в жизни общества, которые должны проводиться не ради самого акта модификаций, а должны быть подготовлены комплексом факторов, к которым автор, предъявляет целый ряд требований: «во-первых, преобразования должны были являться ответом на внешние, объективные изменения состояния государства (прирост населения, межгосударственные отношения и т.п.); во-вторых, они должны были представлять собой реакцию на потребности больших масс людей; в-третьих, их проведение должно было быть настолько постепенными, чтобы можно было устранить или избежать побочных явлений негативного характера» (С. 186). Такое взвешенное отношение к назревшим общественным переменам, выделяет исследование из круга апологетов консерватизма и вводит его в круг ученых, реализующих данную концепцию в интересах российского государства и населения Северо-Западного края.

Освещенный и детально проанализированный в диссертации консервативный дискурс представляет собой совокупность нарративов разной жанровой и адресно-целевой направленности, в основе которых лежит авторская концепция, построенная на базовых ценностях консерватизма. Ее цель состояла не только в теоретическом осмыслении, но и в аргументированном внедрении консервативных идей в общественное сознание россиян и государственных деятелей, ответственных за принятие управленческих решений.

Отметим, что с большим интересом читаемый многостраничный квалификационный текст диссертации М.Н. Крота, кроме вклада в заявленную парадигму, содержит богатый культурологический, литературоведческий и

собственно историко-фактографический материал, который дополняет и утверждает идеологические презентации лидеров консервативного дискурса.

В академическом смысле исследование Максима Николаевича претендует на разработку сложной и слабо разработанной в научной литературе конкретной проблемы национально-консервативного дискурса. В то же время отталкиваясь от источниково-историографических работ Э.Ю. Абелин斯卡са, Н.С. Андреевой, В.А. Богова, К.С. Гаджиева, М.Д. Долбилова, О.О. Завьяловой, А.А. Иванова, А.А. Комзоловой, А.Э. Котова, В.Н. Кудряшова, А.И. Нарезного и др., конкретизируя их и расширяя их интерпретацию, автор внес свой серьезный вклад в исследование данной научной проблемы.

В современном источниковедении традиционно подчеркивается значение журнальных статей как исторических источников для полноценного изучения прошлого, необходимости извлечения из них максимально полной и достоверной информации. Для раскрытия заявленной темы, соискатель привлек сотни номеров периодики, в которых отложились отклики современников на события в Северо-Западном крае, отражающие огромный объем проделанной автором работы по их выявлению и интерпретации (использовано 162 названия!) и, вместе с тем, указывая название газеты или журнала в сносках не указаны фамилия автора использованной статьи и ее название.

Во введении диссертации присутствуют все необходимые структурные элементы: обоснована актуальность исследования (С. 7–12, цель и задачи (С. 13–15), объект и предмет исследования, методология исследования (С. 15–22), понятийно-категориальный аппарат (С. 22–33), научная новизна (С. 34–40) квалифицированно очерчены хронологические и территориальные рамки (С. 37–40), сформулированы положения, выносимые на защиту (С. 40–44), источниковая база (С. 44–72), теоретическая и практическая значимость исследования (С. 72–73). Таким образом, во введении обоснованы все основные положения, исследуемые в диссертации. Но обращаю внимание соискателя на два момента. Первый – на страницах 7–10 обоснована актуальность представленного труда, а на страницах 10–12 научная актуальность. Есть ли необходимость дважды выделять один аспект работы?

Второй, связан с обоснованием степени научной разработанности проблемы. На этот раздел автор уделил всего 15 строчек во введении. Специфика объекта, предмета и ключевых проблем исследования, по его мнению, обусловила необходимость выделения трех крупных историографических блоков (С. 12). Подробный анализ степени изученности использованной литературы освещен в двух параграфах первой главы, с чем мы не спорим. Но в выделенном разделе введения, помимо обоснования блоков, надо дать обзор историографических работ, посвященных каждому блоку, в которых до вас уже анализировались работы, посвященные теме исследования. Ведь вы не первый и, конечно, не последний исследователь этой многогранной проблемы.

Безусловным достоинством работы является использование источников из отечественных и зарубежных архивохранилищ: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Национального исторического архива Беларуси (НИАБ), в которых проработано и извлечены материалы из 49 фондов.

Богатство источниковой базы обусловило корректность выборки для верификации и конкретизации проблемных сторон исследования. В частности, уточнены имеющиеся в литературе сведения о конструировании Западного края как составной части имперского пространства, о причинах низкой эффективности правительственной политики обрусения Северо-Западного края, вариантах решения там конфессионального вопроса, качестве образовательной политики как формы неконфликтной интеграции в общероссийское культурное пространство, занятиях Виленского отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения», подвижнической работе русского публициста Е.В. Чешихина, формах и методах укрепления российской имперской государственности в отечественном национально-консервативном дискурсе и др.

Структура диссертации обусловлена спецификой объекта и предмета изучения, основными направлениями научного анализа и объемом поставленных исследовательских задач. Она состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованных источников и литературы. Каждая из которых решает определенную исследовательскую задачу. Не полемизируя с автором о составных частях диссертации, выскажу свой взгляд на значимость первой главы докторской диссертации.

Как правило, она посвящена теоретико-методологическим основам исследования, дополняя введение и, таким образом, раскрывая творческую «лабораторию» диссертанта. Здесь обосновывается методология диссертации, дается видовой анализ источников, предлагается историографический анализ привлеченной монографической литературы. Сюда можно было бы вынести и понятийно-категориальный аппарат исследования, значительно его расширив. Выбранный вариант диссертантом, конечно, имеет право на жизнь, но, с нашей точки зрения, логика исследования нарушена.

Одновременно, 3 параграф 1 главы «Консерватизм как социокультурный и интеллектуальный феномен модернизирующегося общества», по нашему мнению, ярче заиграл бы, если бы он занял место в начале исследования, то есть был бы первым, а не третьим в 1 главе. Сначала надо обосновать понятие «консерватизм», а затем анализировать его многоголосье в историографии.

Собирательным стержнем диссертации является национально-консервативное направление, под которым соискатель понимает «сохранение целостности имперского пространства и укрепление русских государственных и культурных начал на ее национальных окраинах» (С. 40). Безусловно, оно

занимало определенные позиции в общественной мысли, влияя через разные каналы на самодержцев, министров, губернаторов, чиновников, представителей иных идейных течений, собственно, население Северо-Западной части империи, которое было не только русским по национальности. Наоборот, местные жители: белорусы, латыши, литовцы, эстонцы, немцы, составляли большинство и их отношение к программам консерваторов было, как правило, негативным. Представляется, недооценка лидеров национально-консервативного направления, запросов и пожеланий аборигенов, что характерно для консерваторов, сыграла значимую роль в неэффективности их политики даже тогда, когда у власти был «их» губернатор Н.М. Муравьев. Противопоставление «первичности», с точки зрения консервативного направления, присутствия здесь русских государственных и культурных начал, естественного тяготения к ним местного населения, «насильственного и пришлого» характера господствовавшего в крае инородческого элемента (С. 57), на наш взгляд, обосновано не достаточно.

Значим анализ зарубежной историографии, посвященный национально-консервативному дискурсу. Широко используются работы как переведенные на русский язык, так и оригинальные Р. Пайпса, К. Манхейма, Э. Тадена, Т. Эммонса, Д. Биллингтона, А. Реннера, Т. Масарика, Г. Глембоцкого, М. Банашкевича и других, отмечается определенная зависимость современного консерватороведения от их видения проблемы.

Подводя итог историографии консерватизма, нельзя не согласиться с мнением докторанта, что «изучение вышло далеко за пределы начального этапа «накопления фактов», преодолевшего стадию «реабилитации» и изучения «вширь» путем обнаружения «забытых имен» русской консервативной мысли и простой трансляции их творческого наследия, что было характерно для первых десятилетий свободного от идеологического гнета изучения данного феномена. В настоящее время изучение русского консерватизма представляет собой активно развивающееся самостоятельное историографическое направление, постепенно освобождающееся от налета субъективизма и публицистичности (С. 125). Вместе с тем, как явствует из представленного текста диссертации, автор сознательно ушел от оценки основных положений национально-консервативного направления представителями других идеологических течений. Понять достоинства и недостатки идеологии, общественной позиции можно только тогда, когда она сталкивается, спорит, дискутирует с оппонентами. «Закрытость» лидеров консерватизма и их последователей привела к потере социальной опоры в обществе, что отчетливо проявилось в годы первой русской революции. Вместе с тем отметим, соискатель не уходит от острых вопросов дискурса и приводит точки зрения ученых из «другого» лагеря, например, Г. Глембоцкого, М. Банашкевича и других, при обсуждении польского и остзейского вопроса, и возможностей его решения во второй половине XIX в. (С. 141).

Вместе с тем, анализ обширного историографического поля, посвященного отечественному консерватизму и регионально-имперским сюжетам, представленным в отечественном консервативном дискурсе, позволил выявить очевидное несоответствие между чрезвычайно высокой степенью значимости имперско-окраинной проблематики и входящих в ее структуру сюжетов, связанных с северо-западными окраинными регионами для интеллектуального пространства пореформенной России и недостаточным уровнем научного осмысления данных сюжетов на современном этапе (С. 213).

Освещая сюжеты становления отечественного консерватизма как идеологической системы в первой половине XIX века, Максим Николаевич выделяет лидеров консервативного дискурса: Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, М.П. Погодина, С.П. Шевырева, Н.И. Греча, Ф.И. Тютчева, и др. (С. 196). Их идентичность определена автором через самоидентификацию данного сегмента российской общественности, конечно, верна. Вместе с тем хотелось бы напомнить фразу Н.М. Карамзина о том, что «то, что хорошо французу или англичанину – хорошо и русскому». Конечно, у него много и иных высказываний, но в современной историографии отдельные стороны его исторических взглядов иногда характеризуют как либеральные. Это касается и М.П. Погодина (См. Историография истории России до 1917 г. под ред. М.Ю. Лачаевой Т. 1).

Выступая на заседании Совета министров 8 марта 1881 года, где обсуждался проект М.Т. Лорис-Меликова о привлечении представителей общественности к работе высших органов власти, а шире – о продолжении либерального реформирования страны, один из «столпов» русского консерватизма, Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев подчеркнул, что именно такое ложное, с его точки зрения, понимание общественного прогресса, лежавшее в основе либеральных преобразований, стало причиной морального разложения русского общества, символическим проявлением которого стало злодейское убийство Государя. Надо полагать, Максим Николаевич поддерживает этот тезис (С 201). Мы считаем иначе. Закручивание «гаек» в эпоху контрреформ, затормозило развитие русского общества, загнало общественные проблемы, требующие решения, вглубь. Отрицательная общественная энтропия, не находя выхода, взорвалась в 1905 г., когда паровой котел империи перегрелся от избытка нерешенных проблем.

В диссертационном исследовании привлекает внимание сюжет об общественно-политическом значении империй и их роли в XIX в. (С. 214–238) Главная отличительная особенность имперской государственности заключается в том, что она носит ярко выраженный идеократический характер, опираясь на ключевую «идею-правительницу», лежащую в основе государственной идеологии, поддержка которой является главным элементом лояльности подданных. Залогом существования и устойчивости империи является не ее материальная сила, а именно «представление об имперской миссии», которая направлена вовне, на преобразование и упорядочивание

окружающего мира. Одновременно, важнейшим признаком имперской государственности, является «анизотопность» или неоднородность ее территориального пространства, включающего в себя разнообразные по своим социально-экономическим, политико-правовым и этно-культурным свойствам области, среди которых выделяется государственное ядро, центр и разностатусная периферия (С. 219). Такая трактовка крайне дискуссионной категории позволяет обосновать сложность и неоднородность имперского общественного сознания.

Дополнен этот раздел политическими характеристиками лидеров национально-консервативного дискурса второй половины XIX в.: М.Н. Каткова, Н.Х. Бунге, К.П. Победоносцева, Ф.И. Тютчева, Ю.Ф. Самарина, и др. Примечательно, что диссертант, в целом, отстаивая их убеждения и патриотический пафос, не проходит мимо шокирующих высказываний. Так, оценивая «национальный вопрос» в публицистике Каткова. Максим Николаевич замечает, что «агрессивная антиэтничность катковского национализма была обусловлена осознанием огромного разрушительного потенциала этнического начала, возведенного в политический принцип» (С. 274).

Анализируя богатейший материал, посвященный российской имперской государственности, Максим Николаевич выделяет альтернативные пути ее развития, каждый из которых содержал в себе целый ряд угроз и кумулятивных эффектов. Первый из них заключался в сохранении полного статус-кво в виде той архаичной имперской гетерогенности, которая была присуща Российской империи в предшествующий период.

Вторая альтернатива состояла в автономизации имперского пространства посредством предоставления широких прав национальным окраинам с перспективой последующей федерализации государства на этнической основе.

Третья альтернатива, сторонниками которой выступали сторонники национально-консервативной доктрины второй половины XIX – начала XX в., заключалась в попытке сохранить империю в модернизированном виде, придав ей элементы современной национальной государственности, достигнутые путем административной и правовой унификации имперского пространства и комбинирования традиционных силовых управленческих практик и неконфликтных методов «мягкой силы» (С. 251). Обоснование каждого варианта развития дает возможность увидеть плюсы и минусы каждого из них и, вместе с тем, глубину авторского анализа сложившейся непростой ситуации в стране.

Работая с первоисточниками, в данном случае, с текстами идеологов исследуемого направления общественной мысли, диссертант выявил массу значимых определений, отражающих их сегодняшнюю злободневность. Особо наше внимание привлекла мысль Тютчева о том, что «в течение длительного времени Запад монополизировал за собой право называться Европой, отрицая сам факт существование другой Европы, являвшейся не

просто «законной сестрой христианского Запада», но даже «внутренне более глубоко христианской» дремлющей силой, развитие и созидание которой было покрыто густой завесой. В пору своего могущества у этого, пока еще безымянного мира Запад сумел «вырвать несколько клочков» и с грехом пополам присвоить их себе, исказив их естественные национальные черты. Однако выход на мировую арену новой силы в виде могущественной Российской империи, произошедший в эпоху Петра Великого, позволил остановить это разрушительное движение» (С. 302). Как весомо и актуально звучат эти слова сегодня! И еще одна фраза, как будто взятая из сегодняшнего дня. «Россия смогла, писал Тютчев, смело и окончательно отбросить навязываемые ей чуждые европейские ценности и перестать считаться с Европой, полностью дискредитировавшей себя» (С. 305). Поэтому не случайно, в понимании поэта, острого публициста, историка Тютчева, первый российский император, предстает не европеизатором России, а государственным деятелем, «исполином», фактически возродившим Восточную империю во всем ее величии, что подчеркивает глубокое знание диссертантом предмета исследования и тонкость его анализа.

До начала 1860-х годов национально-окраинная проблематика, за исключением Северного Кавказа и Кавказской войны, практически не привлекала внимания широкой русской общественности, занятой обсуждением иных вопросов. Поражение в Крымской войне, нанесшее мощный удар по престижу Российской империи, либерализация общественно-политической жизни, эпоха реформ, восстание в Польше, Литве и Белоруссии, вызвало невероятный общественный резонанс, став настоящим «событием перехода» в отечественной интеллектуальной среде, представлявшим собой «слом баланса и выход в постравновесное пространство», формирующее, по мнению соискателя, новое проблемное измерение.

В этих условиях, польский мятеж, вызванный не усилением гнета со стороны имперских властей, а, напротив, связанный со смягчением правительственной политики в отношении поляков западных окраин, представлял собой национально-мобилизационный вызов польского этнического сепаратизма и имел ярко выраженный экспансионистский характер, поскольку был вызван стремлением восстановить утраченную государственность в границах 1772 г., что предполагало включение в состав Царства Польского западных губерний, рассматривавшихся как часть русской национальной территории. Мощный всплеск польского национализма, поставил под сомнение правомерность либеральной политики, проводимой правительством на западных окраинах, воспринимавшееся в радикально настроенных польских кругах не иначе, как проявление слабости, что во многом и спровоцировало вооруженное выступление (С. 372).

Первыми в этой критической ситуации забили тревогу лидеры консервативного дискурса: М.Н. Катков, Мещерский, И.С. Аксаков, требуя от правительства действенных мер.

Центром и идейным вдохновителем консервативной части Северо-Западного общества стал попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов, чиновники Министерства народного просвещения, составлявшие интеллектуальное ядро русского виленского общества – В.П. Кулин, А.В. Рачинский, Н.Н. Новиков, А.Н. Забелин, А.П. Владимиров и другие (С. 379), которые будировали общественное сознание русского населения края, представителей местной и столичной администрации. Главным печатным выразителем идей местного русского общества стала газета «Виленский вестник», примирительная направленность которой после ухода с поста главного редактора в конце 1865 г. поляка А.К. Киркора сменилась последовательным проведением русской национально-консервативной доктрины. Каждый тезис соискателя находит документальное подтверждение на десятках страниц диссертации, отражая не только знание проблемы, но и акцентируя внимание на качество историографического анализа.

Детально анализируя борьбу местных и столичных идейных вождей консервативного дискурса, Максим Николаевич вскрывает ее формы и методы, достижения и слабости, изменение тактики и стратегии на протяжении второй половины XIX в.

Концепция деполонизации и «исконной русскости», отстаиваемой М.О. Кояловичем, М.Н. Катковым, И.С. Аксаковым, М.В. Юзефовичем, В.В. Скрипицыным солидно обоснована и развита в диссертации. Так, детализируя причины низкой эффективности правительственной политики обрусения Северо-Западного края, диссертант выделяет: непоследовательность имперских властей, неспособных и не желавших придать своей политике завершенный национальный характер; нерешенная дилемма выбора между сословно-аристократическим и национально-патриотическим векторами государственного развития; отказ администрации Северо-Западного края от деполонизации; возвращение к политике примирения с поляками, произошедший после вступления в должность Виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова в 1868 г.

Отметив «антирусскую» деятельность Потапова на посту главы Северо-Западного края, Максим Николаевич справедливо отмечает, что она была обусловлена не столько его личными воззрениями, сколько не декларируемыми стремлениями верховной имперской администрации к «сглаживанию» конфронтационного поля, сложившегося в крае и его «замирению» путем отказа от наиболее решительных форм его деполонизации (С. 427).

Не обходит вниманием автор и случаи гонения на консерваторов. Но их немного. Всего в тексте выделено 5-6 таких случаев, включая и замечания цензора Каткову. На наш взгляд, здесь уместно было бы привести данные об отношении властей к инакомыслящим из либерального лагеря, демократического и революционного, чтобы показать всю общественную картину.

В деле культурного «завоевания» края имела значения образовательная политика как форма неконфликтной интеграции Северо-Западного края в общероссийское пространство. Используя корпус документальных материалов, соискатель подробно осветил формы «мягкой силы» в этом вопросе. Много в этом отношении было сделано И.П. Корниловым, В.П. Кулиным, А.И. Забелиным, П. Меньшиковым и др.

В вопросе об идентичности населения Северо-Западного края особое значение имел Виленский отдел «Общества ревнителей русского исторического просвещения», созданный местными интеллектуальными силами национально-консервативной направленности (С. 116), как формы «нравственного завоевания» и неконфликтных методов интеграции региона в единое ментальное и культурное пространство Российского государства.

Примечателен руководящий центр, создавший и контролировавший работу общества. В него вошли представители высшей аристократии, бюрократии и научных кругов страны: князь А.А. Голенищев-Кутузов, будущий министр внутренних дел Д.С. Сипягин, князь Э.Э. Ухтомский, князь Д.Б. Голицын, протоиерей П.А. Смирнов, историк К.Н. Бестужев-Рюмин и другие. Бессменным председателем Общества, придавшим ему ярко выраженную идейно-политическую направленность, был известный общественный деятель и историк, граф С.Д. Шереметев, долгое время являвшийся личным адъютантом и близким другом цесаревича Александра Александровича, разделяя его увлечение русской историей (С. 117).

Создание данного научного сообщества было вызвано, считает соискатель, необходимостью формирования консервативно-охранительной альтернативы активным просветительским инициативам, исходившим в данное время со стороны либеральной научной общественности. Но анализа «либеральных просветительских инициатив» и здесь нет. Может быть надо было объединить общественные силы для решения принципиальных вопросов просвещения народа?

Прибалтийские губернии, именовавшиеся также Остзейскими, вошедшие в состав Российской империи в XVIII в., в течение длительного времени сохраняли особое привилегированное и достаточно изолированное положение в рамках имперского пространства. Они обладали особым статусом и специфическим законодательством, основывавшимся на привилегиях прибалтийско-немецкого дворянства и бюргерства. Особенности местной административной, судебной и образовательной системы, изложенные в Своде местных узаконений, были закреплены особыми положениями Ништадского мирного договора 1721 г. и существенно расходились с общероссийским законодательством.

Этносоциальная специфика края состояла в том, что коренное местное население, представленное эстонцами (эстами) и латышами, находилось в подчиненном положении по отношению к немецкой элите, монополизировавшей за собой ведущее положение в управленческой, судебной, хозяйственно-экономической и культурно-образовательной сфере.

В административном и публичном пространстве региона безраздельно господствовал немецкий язык. Остзейская элита сумела сохранить в неизменном виде свои сословные права и привилегии, которые регулярно подтверждались русскими монархами при их вступлении на престол. Не случайно, в середине XIX века современники отмечали, что «нет теперь в Европе страны, где пережитки феодального строя сохранились бы в такой силе, как в Остзейских губерниях».

Внимание к проблемам края привлек выход в 1868 г. в Праге первых двух выпусков Ю.Ф. Самарина «Окраины России», который вызвал огромный общественный резонанс, обусловленный не только актуальным содержанием работы, но и сознательным стремлением автора организовать широкую и открытую общественную дискуссию по данному вопросу, в результате которой была бы выработана всесторонняя программа развития региона, альтернативная правительственной политике (С. 161).

В начале 1870 г. лифляндским дворянством был подготовлен адрес на имя императора Александра II, составленный, по оценкам современников, в весьма «дерзких» выражениях, в котором утверждалось, что Лифляндия, будучи присоединенной к России на основании «государственного договора», представляет собой «отдельное владение», находящееся на особом положении в составе Российского государства и обладающее особыми правами, гарантии сохранения которых фактически требовались от Государя, вызвавший бурю критики в России, который обострил взаимоотношения элиты Остзейского края с российской администрацией.

Диссертант подробно осветил ситуацию в крае и пришел к выводу, что с этого момента начинается трансформация социальной опоры имперской власти в Прибалтийских губерниях, обусловив широкую поддержку латышского и эстонского движения со стороны русских национально-консервативных кругов, видевших в формировавшейся местной национальной интеллигенции лояльный российским властям противовес немецкому социальному и культурному господству (С. 177). В результате сложилась ситуация, когда, с одной стороны, наиболее дальновидные государственные деятели начинали осознавать ненормальность обособленного положения Прибалтийских губерний в составе России и сохранения архаичных привилегий остзейского рыцарства, фактически выводивших его из-под действия общероссийского законодательства. С другой стороны, остзейское дворянство было надежнейшей опорой престола, длительной и беспорочной службой доказавшее свою лояльность, которая могла быть поколеблена в случае изменения существующего положения (С. 178).

Чтобы не нарушить баланс сил в крае, власти стремились к постепенному сближению принципов управления краем с общеимперскими, которое должно было проводиться максимально мягкими мерами и целью которых было сохранение компромисса с местным немецким дворянством. В ответ князь В.П. Мещерский не только отрицал необходимость ограничения традиционных прав верно служивших российскому престолу остзейских

немцев, но и ставил под сомнение саму целесообразность унификации Остзейского края, являвшегося островком стабильности в море социальных противоречий.

Преобразования в Прибалтийских губерниях, развернувшиеся с середины 1880-х гг., привели к унификации региона в административно-правовом отношении и существенному ослаблению немецкого политического и культурного влияния в крае. Однако, справедливо подчеркивает Максим Николаевич, вопреки надеждам многих представителей региональной и центральной имперской администрации, данная политика привела не к предполагаемому обрусению местного населения, а к стремительному развитию латышской и эстонской национальных идентичностей, освобождение которых от сковывавшего их немецкого культурно-языкового гнета придало им новый импульс к развитию, что стало значимым, хотя и неожиданным для имперских властей результатом проводимой ими политики (С. 192).

Таким образом, успешной реализации стратегии неконфликтной интеграции северо-западных окраин препятствовало множество факторов как практического, так и идейно-концептуального характера, которые, с опорой на документы и свидетельства современников, раскрывает автор. Заявленная концепция политики России в отношении северо-западных окраин в отражении национально-консервативного дискурса второй половины XIX – начала XX в. полностью решена.

В завершении анализа текста диссертации М.Н. Крота, у нас есть пожелания и вопросы к автору.

1. Замена термина «восстание», «вооруженное выступление» на термин «экстремум» необоснованно. Ясно, что это синоним «восстания», но энциклопедии дают иное толкование слова. По всему тексту звучит этот термин и редко «восстание, вооруженное выступление», выступление инсургентов и др. То же по отношению к слову «Январский мятеж». Нужна ли замена известных своей смысловой нагрузкой терминов на иноязычные?

2. Весьма значима роль «Виленского вестника» в отстаивании интересов России в крае, но не указана численность корреспондентов газеты. Не раскрыты их идеологические приоритеты. Какова численность интеллигенции их поддерживающих? Какова аудитория читателей? Насколько призывы редакционной коллегии отражали чаяния народа? Общества? Администрации?

Отдельные неточности и шероховатости текста не снижают высокой значимости проведенного исследования. Диссертант представил, как свидетельствует проведенный анализ, законченное, самостоятельное, оригинальное научное исследование, которое значительно продвинуло изучение академической проблемы вклада национально-консервативного направления в изучение Северо-Западного края XIX вв. и выработки неконфликтных мер по его сближению с Россией. Диссертация выполнена на

направления в изучение Северо-Западного края XIX вв. и выработки неконфликтных мер по его сближению с Россией. Диссертация выполнена на высоком профессиональном уровне и обогащает историческую науку решением важной научной проблемы.

В целом, диссертационное исследование М.Н. Крота отличаются глубина и основательность. Автору удалось выявить, собрать из разрозненных источников, обобщить и классифицировать противоречивый концептуальный материал, являющийся результатом многолетнего труда.

Рецензируемая работа – это завершённое научное исследование, обогатившее историографию россиеведения. Выводы и введенный в научный оборот эмпирический материал, безусловно, внесли существенный вклад в изучении проблемы национально-консервативного дискурса как в целом России, так и по изучению Северо-Западной окраины.

Диссертация М.Н. Крота на тему «Северо-западные окраины Российской империи в отечественном национально-консервативном дискурсе второй половины XIX - начала XX в.», соответствует требованиям п.п. 2.1. и 2.2. «Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет», а ее автор. Максим Николаевич Крот, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. - Отечественная история).

Отзыв подготовлен Петром Абрамовичем Кузьминовым, доктором исторических наук (07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования), профессором, профессором кафедры истории России Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова)

20 сентября 2025 г.

Адрес: 360004. КБР. г. Нальчик, ул. Чернышевского. 173-
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им.
Х.М. Бербекова»

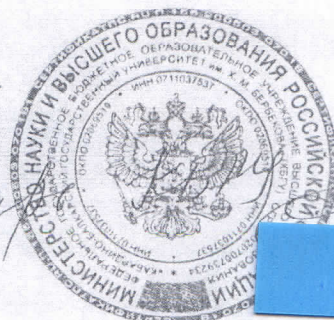
Тел. КБГУ -7 (8662) 40-48-06

Тел. Кузьмина П.А. 8928 702 79 23.

E-mail: Petrakis_hist@bk.ru

<https://kbsu.ru/>

*Заведующий:
Ученый секретарь*



[Handwritten signature]
[Redacted]

[Handwritten signature]
[Redacted]